НОВАЯ ГАЗЕТА

СЮЖЕТЫ • ОБЩЕСТВО

Вовчика больше нет

Забракованного ребенка чудом вытащили из дурдома к жизни, нашли ему дом и семью. Мальчик вырос, ушел на СВО и тут же погиб

Володя в 2021 году. Ему исполняется 17 лет. Хакасия, село Первомайское. Кадр из фильма М. Афанасьева «Вовчик»

15:30, 7 ноября 2026,

Алексей Тарасов

обозреватель «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать по этой ссылке или отсканировав QR-код ⟶

18+. НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЕ «НОВАЯ ГАЗЕТА» ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЕ «НОВАЯ ГАЗЕТА»

Пятисекундное голосовое от Любови Петровны: «Здравствуйте. Вовчика больше нет. Он погиб».

Столько людей его, сироту, вытягивало к жизни и свету, пыталось отнять у небытия, кормившегося им с малолетства… Сейчас не о том, как и почему детей клеймят «безнадежными», — просто назовем это «ошибкой» системы. Исправить ее почти непосильно. Даже у здоровых сирот, если они уже подростки, шансы на устройство в семью, а значит, на нормальную жизнь, исчезающе малы. А он был — бракованный, в «дурке». В психоневрологическом интернате (ПНИ), где ему предстояло одно лишь угасание. Скорее медленное, чем быстрое.

Но — чудо: Вову в его почти 14 лет из ПНИ вытащили, нашли хорошую семью и — это не метафора и не гипербола — заново подарили весь мир. Получилось. Вова набрался семейного тепла, обрел множество новых родственников, друзей, вырос и возмужал, стал мастером на все руки, там и красотки вокруг… Завел серьезные отношения. В сентябре ему исполнилось 22.

В призывную армию его «по здоровью» не взяли, а для СВО, для контракта он пришелся в самый раз. Система всё же замкнула контур — догнала, вернула свое себе. Если есть отдельный

русский Бог — а многие любят о том разглагольствовать, — то в местностях, где Владимир появился на свет и где его пытались вырастить хорошим человеком, этот Господь всегда слыл защитником сирот, всех обездоленных и обиженных, дурачков и юродивых. Тех, кто немного не в себе или умственно незрелых, называли — тронутые.

Кем? Известно, кем. Тронутые Господом.

Если так, ждать ли нам гнева Божия?

Его присутствие до этого в судьбе Вовы вообще-то трудно не заметить.

Человек в открытом космосе

С лучшим другом Сережей — в их с Вовой 9–10 лет — они временно попали в Центр сопровождения в Красноярске, где детдомовцев всего региона диагностируют/лечат/учат. И там в этот момент работал психолог Николай Щербаков. Так познакомились. Потом, отбыв обратно в детдом, Сережа взялся названивать Щербакову и рассказывать о житье-бытье.

Иногда давал трубку и Вове.

> Иногда — со слов Сережи, Вова о том говорить стеснялся, — воспитатели приходили на работу пьяными и били Вову связкой ключей по голове.

На третий год общения Сережа сказал: «А Вову увезли в интернат».

Владимиру 12 лет. Фото: Николай Щербаков

Щербаков бросился выяснять, худшие подозрения подтвердились: Вова попал в один из лучших в крае, но все же ПНИ. Откуда не попавшие в семьи воспитанники с 18 лет переводятся в ПНИ для взрослых. Там и живут. До смерти; чаще всего это пожизненно. Как и поражение в правах — на работу, на деньги, на собственные представления, как их тратить. На женитьбу и детей. Хотя, конечно, ситуация не статична, многое зависит от конкретных людей, причем даже не столько от пациента интерната, сколько от личности директора, и Вове в этом плане с учреждением повезло. Но это еще только предстояло выяснить: и что было бы после перевода Вовы во взрослый ПНИ, и за что вообще ребенку эти испытания?

Щербаков был уверен (а глаз у него на такие вещи давно наметан, и позже коллеги подтвердили его наблюдения и оценки), что нет у Вовы ни умеренной, ни слабовыраженной УО

(умственной отсталости), только ЗПР (задержка психразвития) и педагогическая запущенность. Ну — если б мать не умерла в его пять лет, если б тетя, сестра его матери, взявшая было Вову к себе, смогла повести себя ответственно, если б на фоне всех потрясений не запихивали ребенка в школу в его шесть лет (день рождения 3 сентября), пожил бы еще год дошкольником, — могло сложиться иначе.

Как бы то ни было, с того звонка Сережи об «этапе» Вовы в ПНИ началась эпопея спасения человека. Долгая и, несмотря ни на что, светлая.

Так бывает: за пару часов до известия о гибели Вовы Щербаков приедет по приглашению того самого Сережи в Кировский ЗАГС Красноярска. Сережа в этот день женится.

А тогда, в 2016-м, узнав о предписанной Вове — уже в 12 лет и без вариантов — судьбе, Щербаков развил бурную деятельность. Он не мог забрать Вову из ПНИ к себе, в те годы у него в тесной городской квартире (не своей — арендуемой) уже жили трое бывших детдомовцев, «и ни для Вовы, ни для нас это не вариант: семья не должна становиться детдомом».

> Хлопотать о пересмотре диагноза тоже было если и не бессмысленно, то несвоевременно — сначала у Вовы должен появиться дом, семья.

И как можно скорее… Щербаков так бился за многих сирот, получавших необоснованные диагнозы, необусловленную ничем безжалостность, а то и озверелость, но здесь был особый случай.

И десять лет назад, 16 ноября 2016-го, Щербаков рассказал о мальчике на страницах нашей газеты («Вове нужна семья. Он и

сны видит именно об этом»). В частности, о том, как приезжал к нему в ПНИ:

«Узнав меня, он тихо произнес мое имя-отчество и словно упал в меня лицом, уткнулся в мою куртку, прижался и долго не отпускал. Такая бессильная радость: он всё про себя понимает… Между делом задал ему психодиагностические вопросы и лишний раз убедился, что с головой у него всё в порядке. Причины его помещения в ПНИ для меня — полная загадка. Минут 20, пока, прощаясь, стояли с ним и воспитателями на вахте, не отпускал меня: крепко обнял и крутил головой, когда ему говорили, что уже пора.

Николай Щербаков, 2017 год. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Замдиректора обронила: могли бы и придержать его в прежнем детдоме… Ведет себя нормально, учится без проблем, с детьми дружен, со взрослыми вежлив, к некоторым любит

приласкаться — ребенок и ребенок. Хотя первые месяцы очень напряженный был и недоверчивый, как волчонок… Потом оттаял: нашел близкого человека — психолога Алену, спросил ее: «Я, правда, могу тебе доверять?» Теперь она для него как свет в окошке: перед школой бежит к ней обняться, все беды и радости обсуждает с ней.

В общем, смысла жизни у меня с тех пор поприбавилось. Созваниваемся теперь с ним через сотрудниц, иногда как волонтер езжу в гости. Сестру его нашел и других родственников, передал приветы, дал им координаты ПНИ (в прежнем детдоме им не говорили). Привез Вове их фотки».

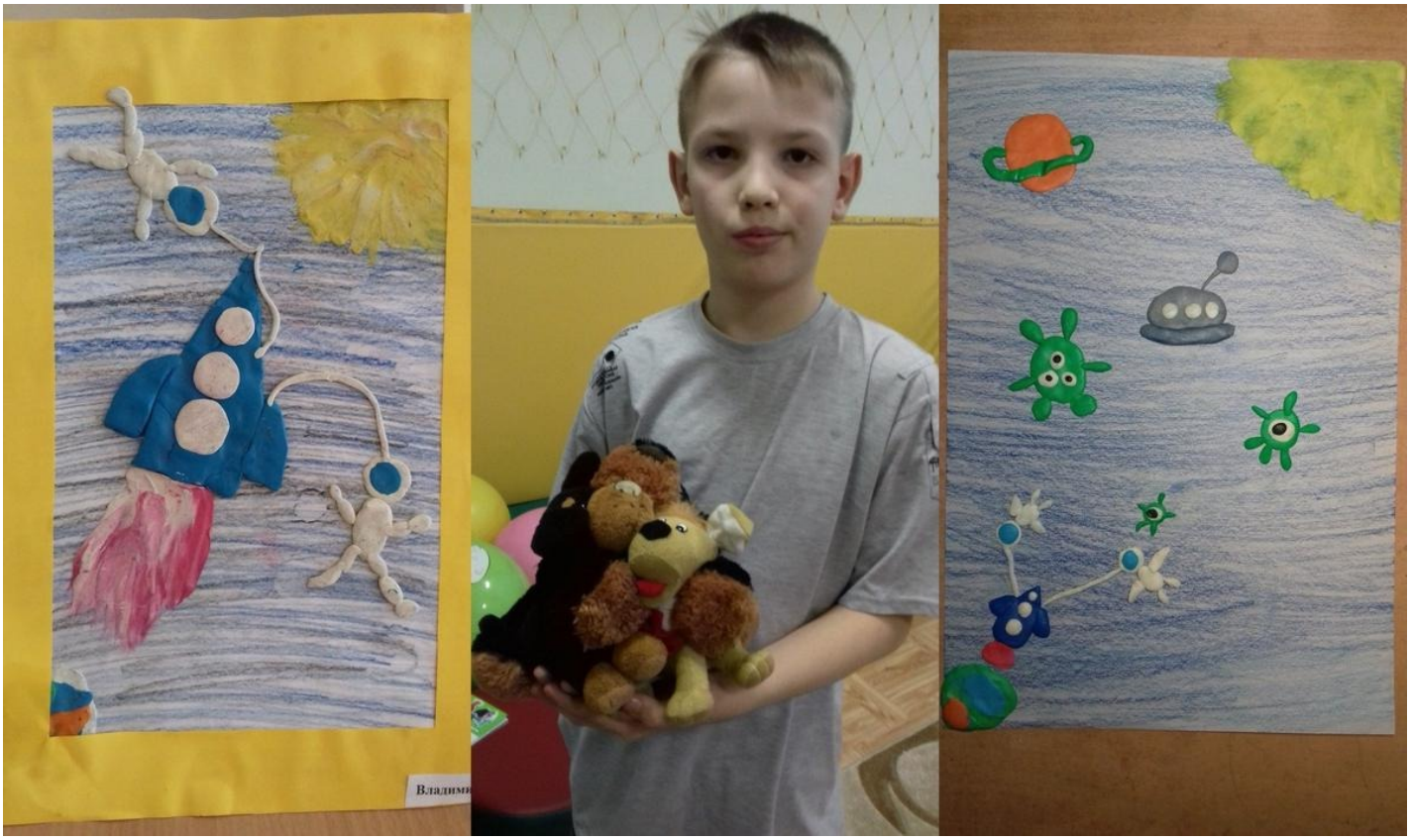
> …Вова любил читать энциклопедии, рассказывал Щербакову о звездах и планетах. От Вовы остались поделки, точнее, уже только фото тех аппликаций. Смешанная техника — на заштрихованном карандашом листе — барельефная лепка.

Вот ракета где-то во вселенной и соединенные с ней, «привязанные» в безвоздушном пространстве два человечка.

То есть он там — без тверди под ногами — завис не один, с кем-то. Вова не терял надежду. (Я-то сразу понял, кто эти космонавты, болтающиеся в пустоте, а Щербакову он позже признался, что — да, это он с ним: на Луну летали, смотреть лунатиков. Ну Щербаков, рассказывая о том, смущенно сформулировал, что он — это не он, а собирательный образ: все люди, к кому Вова привязался в прежней своей жизни, когда был «на Земле».)

Когда Щербаков стал ездить к нему в ПНИ (потом и сестра-

студентка, а еще волонтер Тоня), сюжет космической пластилинографии получил развитие: в безучастном, казалось, вакууме, в отдалении появились таинственные инопланетяне. А потом и число вышедших в открытый космос людей увеличилось.

Володе 12 лет, его поделки. Фото: Николай Щербаков

…Меж тем ни наша публикация, ни соцсети (в них разместили видеоанкету Вовы) не помогали. Кандидаты появлялись на горизонте, как те инопланетяне, но в конечном итоге у них не складывалось. Даже до попыток контакта не доходило.

На снятом тогда, в его 12 лет, видео он грустит. Вертит в руках розового лебедя из бумаги. Говорит, что мечтает стать машинистом, любит делать уроки и собирать конструкторы. Его спрашивают, что бы он сделал, найдя миллион? «Раздал бы бедным людям, мне их жалко».

А вот фото Вовы со сшитыми им тремя собаками — это он, Сережа и Щербаков. Рассказал об этом, обнял их и грустит. За

окном тогда погода такая была.

К счастью

Параллельно этой тихой безнадежной истории развивалась еще одна, в которую Щербаков ввязался, — уже громкая. В Хакасии, в селе Первомайском Боградского района, опека пыталась разрушить вполне благополучную, работящую, вырастившую хорошими людьми (с 2000 года) два десятка детдомовцев семью Любови Лицегевич:

> всех семерых на тот момент ее детей изъяли из-за непозволительной с точки зрения власти длины волос у четырехлетнего мальчика.

После суда в Бограде, 2017. Любовь Лицегевич в центре, ее дети, односельчане, справа — Николай Щербаков. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Местная опека издавна жить не дает Лицегевич и ее детям: они — на «пристальном внимании». Бумаги, их канцелярии нужные, Любовь Петровна не вовремя заполняет, на алименты не подала (с прошлых родителей)… Кстати, сейчас как раз начались суды — следком взял чиновничью шайку из восьми человек — в интересующий нас период, с 2018-го, из боградской администрации подавали «заведомо ложные сведения» о количестве сирот в районе и получали из бюджета завышенные суммы, их выводили и пилили меж собой; это десятки миллионов.

Щербаков тогда еще преподавал в университете (Сибирском федеральном), работал в фонде «Счастливые дети» и кризисном центре «Верба», тогда еще что-то могла и газета, и после нашего выступления детей Любови Петровне и Владимиру Михайловичу вернули; проснулись все: прокуратура, СК, сенаторы, омбудсмены, губернатор и т.д. Доследственные проверки, комиссии, громкие заявления. Валентина Матвиенко пообещала поправки в законодательство: «Изъятие ребенка из семьи — только в случае, если есть угроза здоровью и жизни ребенка. И только через суд».

Щербаков до сих пор «сопровождает» эту семью, ездит к ним в Хакасию на автобусе уже много лет (раз в квартал, в последнее время — раз в полгода; никто ему за это не платит, всё сам), а тогда, диагностируя, делая все свои «замеры» в семье, чтобы ни в чем не ошибиться, мотался за триста верст, как на работу. И, убедившись в том, что с детьми всё в порядке и в семье им действительно хорошо, что Любовь Петровна — «мама и воспитатель от Бога», однажды решился ей рассказать о Вове. Оказался не только психологом, но и менеджером судеб. Диспетчером.

Если переводить на «менеджерское»: мы вам тут помогли и еще

поможем, а вы нам — Вовчика…

Но переводить не будем, потому что, конечно, всё не так и не то, притом обычно лучшие внешние администраторы работают на стороне зла. Не без исключений: Щербаков соединил две человеческие истории, и всё сложилось. И все вокруг них оказались в выигрыше.

Любовь Петровна Лицегевич. Фото: Николай Щербаков

Вот как он сам рассказывал: «Долго собирался с духом: а нужны им после пережитого новые дети? И уже поздно вечером, ожидая автобус, рассказал Любови Петровне про Вову, отдал тот номер «Новой». Она живо откликнулась: как раз Е. заканчивает школу и уедет к родне в Красноярск, «но это только летом, раньше никак, да и понравится ли ему у нас?».

Ожидание всех разрешений, поездки в ПНИ — познакомиться,

приглядеться… Кстати. К вопросу о постоянных борениях с опекой:

> только в далеком ПНИ Лицегевич научили оформлять пенсии на детей-инвалидов: воспитывая их годами, она не знала всех своих опекунских прав. И чем-то приглянулась она начальству ПНИ, внушила доверие, так что документы сделали быстро.

И Вова поехал домой.

Владимиру 13, почти 14 лет, и ему наконец находятся дом и семья. Фото: Николай Щербаков

Щербаков был уверен, что именно такая семья нужна Вове. Во-первых, село с его укладом, ритмом. Вова до детдома в селе и рос. Во-вторых, семья полная, с опытом воспитания мальчиков, да еще сирот. Любовь Петровна и Владимир Михайлович становились родителями самым сложным ребятам, и они у них вырастали полноценными хорошими людьми. (Есть в Любови Лицегевич что-то такое — необъяснимое. Любовь, жалость? Доброта и терпение? Строгость? Всё это есть, но дело же не только в сложных пропорциях всего этого, но и еще в чем-то, говорю же, — не объяснишь.)

В-третьих, есть авто- и сельхозтехника, что так важно для Вовы (в ПНИ он перечинил все велики, самокаты).

И действительно — раздолье вышло Вове и отрада его душе: столько техники, точнее, ее остатков на заднем дворе… Инструменты и агрегаты, сварочный аппарат, освоенный Вовой тут же в совершенстве, возрожденный из праха и пепла мотоцикл «Минск». Из запчастей от ГАЗ-52, коробки передач от ГАЗ-53 (армейской его модификации), тракторного двигателя, узлов и элементов другой самоходной техники

> Вова собрал «зверюгу», или, по другому самоназванию, «чикараку». «Прёт она — мама не горюй». И это не просто самоделка для развлекательных гонок по бездорожью, это «сено с отцом убирать; готовлю к покосу».

«Вова там как сыр в масле и совсем другой человек; загорел, подрос и возмужал, — писал мне тогда Щербаков, возвращаясь из Первомайского. — Какая-то жажда жизни в нем проснулась. Так и рвется куда-нибудь. Перезнакомился со всей деревней, включая директора школы («Я в этой школе учиться буду, в

восьмом классе. А вы здесь кто будете?» — рассказывала она мне с улыбкой, как он заезжал на велике в школьную ограду и встретил ее). В футбол играет с ребятами на школьной площадке. Гоняет на велике по окрестностям, а они там обалденные: горы, луга, озера, Енисей. Проблем с ним никаких: и с детьми помогает, и со скотиной управляется легко и с удовольствием, и растопка бани теперь на нем. Очень сдружился с Витей и Максимом — «братики». А Л.П. (*Любовь Петровна.* — **А. Т.**), конечно, именно тот человек, который ему нужен. И теплота в ней есть, и разумная требовательность, и эмоции, и добрый юмор. Так что я теперь как хороший сон всё увиденное вспоминаю».

Вова, готовящий чикараку к покосу, и Михаил Афанасьев. Кадр из его фильма

Об этом светлом времени Вовы снял короткое кино Михаил Афанасьев, через весь сюжет тоже сквозит радостное изумление. Афанасьев пытался помогать семье, когда работал советником (по правам человека) главы Хакасии, а потом, вернувшись в журналистику, приехал к ним запечатлеть финал

(тогда так казалось) «победы над дурдомом».

С апреля 2022 года Афанасьев — в тюрьме за «фейки» об армии. В письмах оттуда постоянно справляется о Лицегевичах, о Вовчике, и те его, конечно, помнят, и Володя всегда передавал приветы. (Не знаю, как сейчас ему писать о финале, — состояние его, понятно, и без того… Подавленное? Депрессивное? Если скоро уже пять лет, как жизнь твоя, твоих детей, любимых растоптана, можно ли это описывать такими словами?)

На легкую ногу

А потом Вова вырос. И в 18 лет — шел первый год СВО — отбыл на родину, в Красноярск, точнее, в пригород — Емельяновский район. Почва и кровь. Их силу не переоценить — возобновились отношения с родней. Любовь Петровна отнеслась с пониманием, с совершеннолетием парень получил в свое распоряжение два с лишним миллиона рублей, надо прогулять. И год — пока гулял — почти не общались.

Вова (справа) и младшие дети с Любовью Лицегевич. Кадр из фильма «Вовчик»

Эти выплаты — для бедняков огромные и сразу — важнейший фактор в судьбе сирот: когда, истратившись, они идут работать, зарплата кажется насмешкой, и в лучшем случае они подаются на вахту. Контракт же в войска предлагает прежний комфорт: за тебя думают и решают, ты на полном обеспечении, деньги — немыслимые. Чуть не возвращение в рай, в позу зародыша. «За кашу манную, за жизнь туманную». Убеждения не мешают, поскольку их не видно.

В близком к Красноярску селе Вову брали трактористом, но что-то его не устроило, пошел в грузчики. Хотя собирался автослесарем, и у него бы прекрасно вышло.

Любовь Лицегевич. Кадр из фильма «Вовчик»

Опытная Л.П. сразу говорила Щербакову, что почти все они через это (период разгула, бесхребетности, жизни одним днем, неопределенности ни в чем) проходят и нормализуются, встают «на твердую ногу» (по определению Хармса) годам к 22. А разозлиться на Вовчика, говорила она, невозможно, так как

Вовчик всегда умеет подлизаться. (Раньше сетовала, что Вова постоянно ее целует, «задолбал». По Щербакову, так он восстанавливал непосредственные отношения с матерью, прерванные ее смертью. Ну и, значит, «хорошо ему там, если может позволить себе целоваться».)

Со временем вновь начал регулярно звонить Любови Петровне. Заходил к Щербакову.

> Последние полгода жил с женщиной, сын которой женился на Вовиной племяннице. Да, так бывает. Вову, говорят, сильно любила: «Он самый лучший, самый красивый».

Ну и Любови Петровне снова беспрестанно оставлял голосовые: «Мама, я тебя люблю».

Младшие братья и сестра Вовы, дома у Любови Лицегевич. Кадр из фильма «Вовчик»

И вот, как она и говорила, перед своим 22-летием (в этом сентябре) его словно прорвало, собирался приехать к ней в Хакасию повидаться, но неизвестно с чего внезапно подписал контракт. Сообщил об этом жене только в день убытия.

Говорят, он же уговорил уйти на СВО и Костю — мужа своей племянницы и сына своей жены. (Каково той сейчас? Говорит: «Не выдержу».)

А Щербакову и Любови Петровне не позвонил в тот день. Ничего не сказал. Знал их отношение, это ведь не первая попытка Вовы, он и раньше порывался уйти.

…Любовь Петровна рассказывает мне их сельскую хронику: как потерялись там, на СВО, два соседских парня — один подписал контракт, уйдя служить по призыву, другой отсюда ушел, с воли. Пропал без вести там же ее зять. «Думают, что это деревянные автоматы, поиграют — и домой». Уже оттуда Вовчик стал присылать голосовые, Любовь Петровна — ему. Фотки прислал. «Или заплаканный, или чуть не плачет… Последнее сообщение: «Мама, мне так страшно, но вы же знаете, я ничего не боюсь… Все боятся, один я не боюсь ничего, у меня страха нет, ты же знаешь…»

А где люди-то?

Вручили автомат и отправили…

«Каждый человек вплетается нитью в ткань жизни. Выдернута, порвана нить, оборвавшись, исчезнув, она обедняет ткань. Новые, вплетенные в ткань жизни нити уж никогда не заменят исчезнувшую — она единственная и неповторимая в своей пышности, в скромности своей, в прочности, тонкости, хрупкости». Цитата из Василия Гроссмана здесь затем, что теперь надо объяснять простые вещи. Самые элементарные.

Потому что они перестали быть таковыми.

Вова и его чикарака. Кадр из фильма М. Афанасьева «Вовчик»

Тем, кто полагает, что солдатская смерть славна, и нечего нюни разводить, и «так лучше, чем от водки»: в США, когда они воевали с Вьетнамом, тоже взялись было набирать бойцов с легкой УО, с IQ ниже 80. «Корпус дебилов Макнамары» (тогдашнего министра обороны) плохо кончил, с непропорциональными потерями. Дисциплина и дух войск оказались серьезно подорваны. Эти солдаты стали угрозой не столько для противника, сколько для своих.

Ну а тем, кто считает, что это «не наш мальчик»… Да, на столь ярком солнце вся эта кровь — черная. И IQ у обитателей этих моральных альпийских высот в полтора, а то и в два раза выше. И этим фактом своей биографии они могут гордиться. Но Вовчик вот таким вышел в силу ряда непреодолимых обстоятельств.

> Зато у него, «быдляка», было другое: он не радовался чужой боли и страданию и ценил человеческое отношение к себе, был преданным, как собака, — пока человек рядом.

Да, у него не было ни знаний этого мира, ни тем более убеждений и принципов. Но вот на днях друг переслал нарезку из видео — дебатов на НТВ с прикрученной голосовалкой (звонок из Москвы бесплатный) двух Владимиров — Жириновского и Рыжкова. 2004 год (когда в Сибири родился еще один Вова). Рыжков, в частности, говорит о сущностном, крайне понятно и точно прогнозируя следующие четверть века, и уделывает Жириновского. В последнем фрагменте нарезки 52 тыс. голосов против 39 тыс. Где тот Рыжков, где все эти люди, вот эти пятьдесят тысяч хотя бы? Где зрители столичных театров и всего мирового кинематографа, где читатели Аксенова и Астафьева, Окуджавы и Горенштейна, где читатели Библии, наконец? Да просто читатели?

И если на поверку у них — спустя 20 лет, не все же умерли, — не нашлось никаких убеждений, что можно требовать от Вовчика?

Вова на своем гибридном тракторе, 16 лет. Фото: Николай Щербаков

Никакой в нем злости и обиды на судьбу, как у других детдомовцев, не замечалось, никакого счета к ней — заклеймившей его с малолетства как «безнадежного». И он, интернатный, более благополучных, интернетных, детей был адаптирован ко всей жесткости внешней жизни. Так казалось. Приемыш ценил отношение других к себе, отвечал на добро любовью.

Погиб не один он. Отпадает гигантским куском, континентом, обессмысленно что-то огромное в психологе Щербакове и психологе Алене, других специалистах и работниках ПНИ, в волонтере Тоне, в Любови Петровне и Владимире Михайловиче, их старших и младших детях, журналисте Афанасьеве, отлученном от профессии, во всем том мире, что вытягивал Вову к жизни, во всех тех людях, для кого этот мальчик стал частью души, кто радовался, как он, обреченный, набирается

жизни… Не добрал, не успел, не повзрослел, снова его вытолкнули в космос чуть раньше (как прежде в школу) — и он позволил воспользоваться собой.

Если кто решится освободить место для Божьего гнева, то как его расчистить? Если место это — везде?

P.S.

Третье ноября, 17.00, Щербаков: «Звонил сейчас Антон: Егор (младший брат Антона. — **А. Т.**) вчера умер, в госпитале лежал последние дни, после атаки дрона. Мне Егор последний раз говорил, что едва успел от дрона спрятаться. А тут, выходит, уже не успел. Похоронят в Питере почему-то, со слов Антона. Сам он по госпиталям последний год: гранатой с дрона перебило нервы на правой руке, это и спасает его сейчас, видимо…»

Судьба детдомовца Егора в нашей газете подробно описана два года назад. В той публикации он назван Вадимом. Выходил и фильм о Егоре и Антоне (но там они фигурируют под своими именами и фамилией, в тот момент Егор на СВО не собирался — поэтому обойдемся без ссылки; Антон жив, из армии не комиссован). Щербаков вел Егора с семи лет, когда тот поступил в школу-интернат VIII вида, где психолог тогда работал. Это школы для детей с УО, поэтому таких детей еще называют «восьмерики» — эвфемизм к словам «олигофрен» и «дебил». В другие времена Егора, скорее всего, не призвали бы даже на срочную службу — таков его психический диагноз, к оружию близко бы не подпустили, но он внезапно стал контрактником — находился на условном сроке, и после очередной регулярной отметке в органах уехал в военкомат.

…У Щербакова уже персональное кладбище его детдомовцев. Да, не все полегли на СВО, есть единичные исключения.

В последних сообщениях Егор пишет про дожди и постоянные

атаки дронов, а Щербаков шлет ему фото белых красноярских крыш — снег уже лег прочно, до весны. «Красиво», — отвечает Егор.